

Алексей Шустов,

*политический психолог,
руководитель Лаборатории
социально-политических
технологий «АМП СПб»*

Почему невозможна партийная демократия в России?

Хочу предложить сделать регламент необычным. Насколько я понимаю, большинство присутствующих ознакомилось с содержанием того, о чем я предполагаю говорить [*еженедельник «Дело», 23 октября 2006 г.// www.idelo.ru/ - ред.*]. Вначале я выступлю коротко - чтобы мы гораздо больше времени потратили на обсуждение и выступления. Поэтому я прошу десять минут на выступление, затем мы могли бы перейти к вопросам. Хочу внести коррективу по части обсуждения: после трех-четырех вопросов я предлагаю давать мне возможность выступать для ответов на вопросы.

Предлагаю часть идей, с которыми я обращаюсь к уважаемому сообществу. Так получилось, что после школьной программы истории, я историческую литературу читал не много, особенно в силу того, что в советские времена и достаточно долго после этого анализ допетровской истории России мне был не очень доступен. А недавно мне довелось почитать несколько интересных книг по истории России. Читая их как психолог, а я, в общем-то, по основному образованию являюсь психологом, я вышел на некоторые идеи, которые, в конце концов, сложились в то впечатление, которое было изложено в моей статье в «Деле».

Общая идея такова: в России и в Европе переход от феодальных отношений к отношениям более поздним происходил по-разному. Более того, сам феодализм, как мне показалось, с психологической точки зрения в Европе и в России различался. Конечно, в Европе между феодалами существовали отношения подчинения, иерархические отношения. Однако те феодалы, находившиеся на более низких уровнях иерархии, всегда имели достаточно отчетливый собственный суверенитет. Они имели право на землю, на которой они жили, которой они покровительствовали. В глазах населения, в глазах народа их права всегда существовали, были легитимными - так же как права их господ - герцогов, королей, у которых были собственные вассалы. У вассала мог быть замок с небольшой территорией вокруг, но, тем не менее, права этого вассала в народном восприятии были достаточно четко защищены.

Здесь я делаю предположение из области психологии, которое заключается в том, что при переходе от феодальных отношений к капиталистическим, при появлении парламентов в наиболее развитых странах Европы, в этих парламентах (по крайней мере, на первых этапах) происходила борьба, где решались спорные вопросы между землевладельцами разных уровней. Когда в парламентах шла борьба между партиями более или менее крупных землевладельцев, народ воспринимал это вполне естественно. Для него это противостояние и право младших аргументировать свою позицию перед старшими было подготовлено теми отношениями, которые были раньше - той легитимностью младших феодалов, которая в течение веков поддерживалась в этих западноевропейских государствах.

В то же время в России ситуация была принципиально иной. Даже если не брать Киевскую Русь, а начать со времен собирания земель вокруг Москвы - что будет правильным, так как Киевская Русь была немного другой по многим позициям. Даже в этот период, начиная с Ивана Калиты, младшие бояре никогда не обладали той степенью суверенитета, которой обладали их «коллеги» в Западной Европе.

Право Царя было обусловлено ярлыком, который князь получал в Орде. А также тем, что собирание царем земель вокруг Москвы естественным образом помогало преодолевать все негативные особенности, связанные с монголо-татарским игмом. Все это давало дополнительную силу князю. В те времена любые центробежные настроения могли восприниматься разными слоями народа - от простых людей до высших - как опасность того, что Русь не будет защищена от врагов и снова попадет в зависимость. Поэтому феодалы более низкого уровня не имели возможности получить сравнимую долю легитимности в глазах народа.

Так же выстраивались отношения по вопросу земли, потому что правом на земли всегда обладал князь, царь, император. Именно он мог давать какую-то землю, но затем в любой момент он мог ее забирать так, как ее не могли забирать короли в Западной Европе. Король мог завоевать земли того или иного феодала и присоединить к своим, но это было несколько по-другому, природа захвата этих земель была уже иной.

Снова психологический подход к тому, как это откладывалось в сознании российского народа, дает мне право предположить, что восприятие этих отношений было иным. То есть для народа на протяжении веков единственным и безальтернативным сувереном был князь, царь, император. Восприятие высшей государственной власти первого лица в государстве было таким, что права решать основные вопросы государственного уровня предоставлялись только князю, царю или императору.

К сожалению, эта традиция продолжалась и в советскую эпоху, где мы видим, что отношение к верховному суверену советского государства сохранялось таким же, каким оно было в Российской Империи.

В качестве вывода я сделаю предположение: так как все это формируется довольно рано в период психического развития каждого человека, когда воспринимаются вещи, связанные с государственной властью, то представляется малореальным быстрое изменение этой ситуации.

Уже в ходе предварительной дискуссии с некоторыми коллегами я слышал такое мнение: ну это же не значит, что такую тенденцию в принципе нельзя поменять. Да, я согласен, ее можно поменять. Но для этого надо, чтобы в течение лет пятидесяти (или классических сорока), тенденция была совершенно иной. Чтобы системно действовали на народ факторы, которые будут менять подход и отношение к высшей государственной власти.

И в качестве вывода в плане действия я хотел бы предложить такую идею: может быть, не стоит продолжать упираться в попытки выстроить в нашей стране демократию по западному варианту, связанному с существованием конкурентных партий, которые пытаются объяснить народу, что в целом надо развиваться тем или иным путем? А может быть, каким-то образом принять тот факт, что высшая власть с трудом воспринимается как альтернативная. Население воспринимает высшую власть как преемственную, наследственную. Но если мы переходим на более низкий уровень власти: региональная, внутри поселений, на уровне профессиональных объединений, - там альтернативность возможна, потому что примеры альтернативности на этих уровнях мы в российской истории видим.

На этом я закончу содержательную часть и хочу сделать ремарку по поводу линий обсуждения, которые могли бы, как мне кажется, сейчас проявиться. По каким направлениям могло бы пойти обсуждение? Две основные линии. В одной из них две части. Первая линия связана с анализом тех вещей, о которых я сейчас рассказал. Здесь два компонента. Первый компонент исторический. Я опирался на те факты, которые были

мне доступны из школьной программы. Поэтому те из присутствующих, которые гораздо лучше меня знают историю, скажут, что на самом деле все было не так, что, например, в Европе, в таких классических странах, как Англия, Франция, может быть, Германия, феодализм развивался по-другому. Если те исторические факты, на которых я основывался, на самом деле - другие, то их можно опровергать. Второй компонент этой линии обсуждения может быть связан с психологическим компонентом, то есть с тем, какие выводы я сделал на основе фактов, касающиеся психологии людей. Здесь я в большей степени готов к оппонированию и каким-то спорам.

Вторая линия обсуждения мне еще более интересна. Она уже не связана непосредственно с выводами. Действительно, возможна в России демократия, основанная на руководстве противоборствующих партий, или невозможна? Может быть, даже и возможна. Однако - и именно поэтому я с этим выступлением и с этой идеей вышел к публике - я все-таки очень хотел бы, чтобы предпринимались попытки найти некие иные формы реализации демократии. Потому что мы, к сожалению, все время скатываемся к тому, чтобы повторять уже пройденный путь.

Да, наверное, это правильно, да, наверное, об этом можно спорить, но хотелось бы, чтобы интеллектуальное сообщество пыталось разрабатывать и какие-то иные пути. Сразу скажу, что такой симулякр, как суверенная демократия, я одним из «иных» путей не считаю. Это такая технологичная формулировка, придуманная для определенных задач, которые решает администрация президента. Я ничего не вижу за понятием «суверенная демократия». Я сразу хочу оговориться, что некие новые пути – это не то, что предлагает нам господин Сурков. Спасибо за внимание.

ВОПРОСЫ

Ольга Старовойтова:

- Я полагаю, что в нашей традиционной российской культуре гораздо большую роль играют традиционные конфессии. В частности, наша версия православного христианства, частично мусульманства и остатки язычества. Мне не понятно, почему Вы это не рассматривали? Даже если Вы считаете это не имеющим большого значения, то почему Вы не коснулись этого вовсе? Спасибо.

- Конечно, с одной стороны, это влияние есть, с этим я согласен. Но мне кажется, что влияние религиозного сознания на восприятие высшей государственной власти все-таки несколько менее значимо, чем те вещи, о которых я писал – о восприятии в раннем детстве некоторых элементов государственного управления. Хотя об этом можно спорить.

Другой момент. Я считаю, что сейчас религиозность нашего населения находится на невысоком уровне. Да, ритуалы соблюдаются сейчас в большей мере, чем при советской власти, более широкими массами населения. Но при всем при том, если проводить социологический опрос и спрашивать «к какой конфессии вы принадлежите?», то абсолютное большинство в России скажет, что они православные. А на самом деле это означает, что они относят себя к православной культуре, но не к православной конфессии. Влияние православной культуры, как мне кажется, на поведение и на отношение к высшей государственной власти не так значительно. Потому что для нас православная культура больше связана с нравственными моментами - с теми, которые относятся к микроповедению, к поведению, не связанному с высшей государственной властью.

А что касается конфессий, то это, как мне кажется, отдельный, очень интересный вопрос. По большому счету, у нас в Петербурге религиозное население ведет себя как представители протестантской конфессии. По своему образу жизни они – протестанты, хотя они ходят в православные храмы и отправляют определенные ритуалы именно в соответствии с православной традицией, а свое поведение они выстраивают по-другому.

Ефим Смулянский: Скажите, пожалуйста, в какой период влияние церкви больше сказывалось, при феодализме или сейчас?

- Возможно, 150 лет назад влияние церкви на отношение к высшей государственной власти было гораздо сильнее. Но за период борьбы с церковью в советское время этот фактор был постепенно сведен «на нет» и вытеснен.

Андрей Столяров (писатель): Я совершенно согласен с тем, что феодальный суверенитет в России значительно ниже, чем на Западе. Я согласен с тем, что фундаментальная собственность в России - например, собственность на землю - иная, чем на Западе, она принадлежит всем суверенам в лице царя, а не отдельным феодалам, как на Западе. Я хотел бы спросить: «А почему? Каковы факторы, которые определяют все это?»

- Вы имеете в виду, какие историко-политические факторы на это влияют? Я не могу на это ответить достаточно обоснованно, потому что этим должны заниматься историки вместе с политологами. Они должны проводить подобные анализы. Но мне кажется, что все это связано с тем, что на Русь оказывала влияние Орда. Монголо-татарское иго оказало очень большое влияние на тот вид политической системы, который выстраивался у нас в стране. Более подробно сказать не могу – просто не рискну строить предположения.

Андрей Заостровцев (Леонтьевский Центр): На чем базируется Ваш оптимизм в отношении низовой демократии? На мой взгляд, многие факторы показывают, что многие люди гораздо более пассивно относятся к участию в низовой демократии, чем к участию, к примеру, в выборах в высшие органы власти.

- Две части услышал я в Вашем вопросе. По первой мне ответить легче. На чем основывается? Основывается на истории, на том, что институты, веками существовавшие на Руси, были связаны с круговой порукой, с тем, что масса вопросов решалась на том самом низовом уровне. Они даже в советское время не были полностью изжиты и продолжали работать в условиях советского государства. Существуют различные примеры того, как проблемы решались на том самом низовом уровне. В частности, я недавно в литературе встретил как раз пример из этого ряда. Те же самые кассы взаимопомощи, существовавшие на уровне трудовых коллективов и позволявшие решать некоторые социальные проблемы, являются примером альтернативы налогообложению. То есть, когда в коллективе у кого-то из его членов возникала необходимость и проблема, то он обращался в существовавший фонд, который выстраивался за счет добровольных пожертвований. Это пример того, как на низовом уровне могут решаться те вопросы, которые с большим трудом решаются на уровне перераспределения финансовых ресурсов через большую и тяжелую государственную машину.

По поводу того, что у нас народ охотнее участвует в выборах в высшие органы власти. Здесь существует один важный момент, который я считаю принципиальным. Подобные механизмы и переход к новым системам должен быть не стихийным, таким как он не очень удачно был реализован в начале 90-х годов. Тогда принцип был таков: *laissez faire* - кто что может, тот то и делает. Переход к системе демократии на низовом уровне должен быть управляемым, и соответствующие институты должны осмысленно создаваться. Конечно, не так, как сейчас создается Общественная палата, но, тем не менее, я уверен, что общество должно формировать эти институты осмысленно, понимая, что именно строится - тогда и с низового уровня восприятие этого пойдет гораздо более эффективно.

Ефим Смулянский: Я прошу прощения, но мне показалось, что в Вашем выступлении по отношению к текстам акценты были несколько смещены. В тексте основная мысль заключалась в том, что в России ментальность народа такова, что создание партий по западному образцу затруднено. В устных выступлениях акцент был смещен, зашла речь о каких-то социальных проблемах, о легитимности верховной власти, которые, как мне кажется, мало связаны с данной ситуацией. Я, как и мой коллега, не заинтересован в том, чтобы найти ответы на вопрос «почему это произошло именно так?». Такова была историческая реальность. Меня интересуют другие вопросы, связанные с сегодняшней и завтрашней нашей жизнью. Один из них такой: считаете ли Вы понятие демократии жестко связанным с необходимостью существования политических партий?

- Спасибо. Может быть, акценты в выступлении были несколько смещены. Однако мне кажется, что я и в тексте пытался выразить мысль, прежде всего, не о том, возможно ли выстроить партии в России. Меня интересовало то, готово ли население воспринимать борьбу за высшую государственную власть как имеющую право на существование. Мне кажется, что восприятие высшей государственной власти, первого лица в государстве таково, что переход власти может быть лишь в результате некоего естественного пути, наследования разных толков, а не в результате борьбы между прямо противостоящими друг другу партиями. Это для меня наиболее интересно. А иначе, чем еще должны заниматься партии? Разве что противостоять друг другу на региональных выборах.

На Ваш второй вопрос я хочу ответить так. В России возможно существование демократии, при которой не будет партий в том понимании, как мы их видим на Западе. А будут некие иные институты, которые позволят различным слоям населения, различным социальным, профессиональным, демографическим группам реализовывать свои интересы на уровне властей всех уровней и добиваться защиты своих прав более эффективно, чем они имеют возможность это делать в системе, основанной на партийном принципе, на принципе конкуренции между партиями, которые борются за высшую государственную власть.

Наталья Сидорова (журналист): Когда Вы говорили, что православные ведут себя как протестанты, Вы имели в виду то, что они ведут себя протестно или Вы имели в виду конфессию?

- Я имел в виду человека, который ходит в церковь только на Пасху, который соблюдает пост больше для того, чтобы фигуру поправить – для здоровья. Который крестик носит только потому, что без крестика как-то неприлично, он вообще не ходит исповедоваться и так далее, но при этом он придерживается неких нравственных норм и увязывает эти нравственные нормы с тем, что он является христианином. То есть «Бог в себе» для него гораздо ближе, чем «Бог в церкви», что больше напоминает протестантизм. Хотя, скажу честно, что я в этой области не очень силен, и это, скорее, мое наблюдение психолога за поведением людей и достаточно поверхностный анализ этого поведения. Поэтому я не буду настаивать на своей позиции. Они действительно верят, что есть некая высшая сила, перед которой придется нести ответственность, просто их ритуал не такой, как в православии.

П.Жидков (СПбГУ, исторический факультет): Алексей, как Вы думаете, отменится ли борьба партий? Если правительство будет партийное, и правительства будут легитимно сменять друг друга, то почему отменяется легитимность государственной власти?

Второй вопрос: являются ли демократические ценности универсальными? Например, в США действуют две партии. Но мы можем сказать, что там нет демократии, потому что они преследуют интересы капитала. С другой стороны, мы можем сказать, что в СССР была демократия, и тоже можем это опровергнуть,

потому что там была власть одной партии. Какую демократию Вы имеете в виду? Буржуазную демократию, демократическую республику, народную демократию?

- По первому вопросу. Я имею в виду то, что федеральное правительство тоже относится к высшей государственной власти. Но тут я должен перейти к тому, что я вижу как правильный вариант власти в целом. Я являюсь ярким противником государственного интервенционизма и считаю, что государство должно в минимальной степени участвовать в решении проблем населения, и, естественно, не собирать тех самых налогов, которые оно перераспределяет и обосновывает необходимость сбора налогов необходимостью оказывать помощь всем на свете. Мне кажется, что как раз институты гражданского общества, связанные с перераспределением ресурсов, позволят решать социальные проблемы гораздо лучше, чем это делает федеральное или местное правительство. Тогда, собственно говоря, отпадет необходимость высшего правительства. Если за верховной государственной властью останутся три функции – охрана государства от внешних посягательств, полицейская функция, связанная с предотвращением антиобщественного поведения отдельных граждан, и уголовный суд – то высшее правительство сможет существовать по неким иным принципам, чем принципы конкуренции партий. А все остальные вопросы, как мне кажется, могут решаться с помощью гражданского общества и без применения той силовой компоненты, которая является основным отличием государственных институтов от негосударственных.

А что касается того, о какой демократии я говорю, то я говорю о демократии, которую я понимаю как право любого меньшинства на защиту своих прав. В Соединенных Штатах все очень сложно. Там и близко нет демократии, впрочем, как и везде – я не знаю, где она сейчас есть на самом деле. Может быть, в некоторых маленьких государствах, которые ушли в свой укромный уголок и не пытаются участвовать в каких-то глобальных вопросах. Там, возможно, есть демократия. Естественно, в Соединенных Штатах демократии больше, чем в столь «любимом» их президентом Ираке, но, тем не менее, ее там очень мало. Там определенные слои элиты, связанной с крупными финансами, решают основные вопросы. А широкие слои населения максимум, что могут решить, это вопросы своего локального существования на уровне county - отдельных поселений.

Валентина Кузнецова (пресс-секретарь Центра «Стратегия»): Скажите, пожалуйста, не видите ли Вы противоречия в том, о чем Вы сейчас нам говорили в связи с последними событиями, в частности, с «Прямой линией» президента Путина, на которую поступило более двух миллионов вопросов. Вы, как психолог, чем можете объяснить это явление? Что это – отсутствие демократии в России вообще? Спасибо.

- Спасибо за вопрос. Мне кажется, это отличный пример, подтверждающий правильность того, о чем я говорил. Есть «государь», который рано или поздно все решит. Ему можно пожаловаться. Самое интересное, и это естественно - что высшая государственная власть, пытаясь сохранить себя в том качестве, которое свойственно любой власти, в данном случае действует очень эффективно. Мы смотрим «Прямую линию», и тут же бегут чиновники исполнять все то, что приказал верховный правитель: и здесь срочно решить, и здесь срочно решить! И народ вновь укрепляется во мнении, что мерзкие чиновники не решают проблемы, а если вмешается президент, то все будет хорошо. Когда я говорил о тех 50-40 годах, которые нужны для того, чтобы выйти на европейскую модель отношения к государственной власти, то подразумевал, что все эти вещи надо исключить. А я не представляю себе, как можно на сорок лет в нашем государстве исключить популизм высшей власти. По-моему, это мало реально.

Андрей Вейхер (СПб ГУ ВШЭ): Вы сказали, что в Америке все очень сложно. Тем не менее, классикой опросов является знаменитая формулировка «как вы

оцениваете работу президента?», которая политологически интерпретируется так, что американец воспринимает президента как наемного человека. Это вытекает из истории. У них не было других правителей. Но в Вашем тексте я наблюдаю знаки равенства между Европой, где существовал суверенный государь, и Америкой. При этом многие элементы политической культуры, как, например, двухпартийность, сравнимы. Как выйти из этой противоречивой коллизии? Действительно ли это другая демократия, в отличие от европейской, или они одинаковые?

- Я бы так сказал, что, конечно же, американская и европейская демократии различаются, но они различаются не настолько сильно, чтобы я американскую демократию отнес в третью группу в сравнении российская - европейская – американская. Европейскую и американскую можно объединить в одну группу. Хотя существуют разные традиции, и даже те люди, которые эмигрировали из Европы и составили население Соединенных Штатов, в своей исторической памяти имели те же самые образцы. Вы сказали, что, по мнению американцев, они считают, что нанимают президента. Да, они нанимают, но в последние годы это не мешает высшему государственному лицу в Соединенных Штатах, в том числе с помощью манипулятивных технологий и использования всевозможных рычагов финансового характера со все большей степенью эффективности добиваться тех решений, которые выгодны прежде всего его окружению, а не народу в целом.

Сергей Воробьев (консультант): Каким образом при таком сильнейшем пропагандистском воздействии фольклора и сказок в пользу верховной государственной власти, в пользу верховного правительства, происходит то, что когда люди взрослеют, возникает огромное количество анекдотов? Это было и при советской власти, это есть и сейчас. То есть воспитывается уважение к власти, а когда человек вырастает, все уважение куда-то девается. Особенно это было заметно в советский период. Почему это происходит?

- Я бы сказал, что, во-первых, это никуда не девается. Во-вторых, в сказках царь зачастую бывает слабоват, он бывает глуповат, его обманывают подчиненные (бояре), то есть этот люфт существует. Но принципиально в сказках царь хороший. А в анекдотах – наоборот. Когда в советский период в анекдотах высмеивалась наша геронтократия, то народ как бы давал обратную связь, отражая, что эти верховные правители плохо выполняли свои функции, при этом право на выполнение этих функций в анекдотах не оспаривается. Что касается нынешних анекдотов про Путина, то они в еще большей степени подкрепляют его авторитет. Даже тогда, когда высмеиваются некоторые моменты того, как он реализует свои возможности.

Сергей Воробьев (консультант): Хочу уточнить свой вопрос. Авторитет зависит не только от того, как я оцениваю данную персону. Это мое оценочное суждение. Второе – насколько я признаю легитимность его власти. Это зависит не только от моего уважения к нему, это зависит от того, какие у меня будут последствия. В советское время я знал, что если я публично выступлю со своими суждениями, то я перееду в лучшем случае – на несколько десятков километров, в худшем случае – на несколько сот километров. Поэтому я молчал.

- Давайте, различим легитимность конкретной персоны, которая находится на высшем государственном посту, легитимность института и того, как происходит передача власти. В российской истории цари тоже были очень слабые. К примеру, когда Екатерина свергла Петра Третьего, народ отнесся к этому весьма положительно. Мы не знаем, как народ отнесся к убийству Павла, но в достаточно широких кругах это было воспринято положительно. Однако переход власти был все в тех же рамках механизма наследственной власти. Не опровергалось то, что верховным правителем должен стать представитель семьи Романовых. То есть конкретное лицо, являющееся высшим государственным

властителем, может быть слабым. Тогда у семьи возникает право сменить его, пусть даже путем убийства.

Реплика Дмитрия Травина: Тут то же самое – «ненастоящий царь». Был ненастоящий, стал – настоящий.

Дмитрий Травин (зам. главного редактора еженедельника «Дело»): Я понял, чего мне, все-таки, не хватает. Когда ты приводишь факты из истории поземельных отношений в Европе, я с этими фактами не спорю. Допустим, они правильные, я не берусь их оценивать. Но дальше мы проскакиваем одну очень важную ступень. Когда ты начинаешь анализировать средневековый менталитет, необходимо основываться на каких-то фактах, отражающих ментальность. На самом деле, в исторической науке уже не первое десятилетие существует целое направление – изучение ментальности. Они берут свой комплекс фактов. Как правило, это какие-то предметы искусства, потому что как еще судить о менталитете? Используешь ли ты какие-то факты, отражающие именно менталитет, или ты просто формулируешь концепцию, которая тебе ближе, хотя можно сформулировать какую-то другую гипотезу?

- Ни то ни другое. Я наблюдаю поведение. Психолог, особенно психолог поведенческого направления, к которым я себя отношу, прежде всего, анализирует поведение. Если он анализирует поведение здесь и сейчас, то это поведение нынешних людей, если исторические факты, то он анализирует поведение людей тогда. На основании этого поведения можно делать и достраивать определенные предположения о том, что при этом происходит в сознании людей и в их бессознательном поведении на основании их поведенческого ряда. Это можно делать по аналогии, и я занимаюсь именно этим. Я не анализировал какие-то источники, связанные с искусством, но анализировал факты, свидетельствующие об отношениях между феодалами и народом, феодалами между собой в те времена.

Травин: Но это не факты поведения, это факты имущественных отношений, а поведение, исходя из этого, требует каких-то других фактов.

- Поведение, прежде всего, связано с тем, что люди подчиняются определенному порядку и ведут себя в соответствии с ним. К примеру, если люди начинают восставать против существующего порядка, то это тоже поведение. Мы видим, против чего люди восстают и против чего они не восстают. То есть, если они живут в данной системе отношений и возвращаются к ней после периодов войн, если после захвата какой-то земли другим государством все опять возвращается к прежнему порядку... или под властью другого порядка все равно воспроизводится прежняя система отношений (а она существует опять же только в поведении людей, которые действуют в соответствии с этими правилами) - если мы это наблюдаем, то это и есть то самое поведение. Отношения между людьми, между элементами системы – это не причина поведения, это его следствие.

Александр Слуцкий (декан экономического факультета ГУ Высшая школа экономики в СПб): У меня два вопроса. Первый: не кажется ли Вам слишком упрощенной такая дихотомия - противопоставление Запад – Россия. А в промежутке ничего. А как же Китай, Япония, Египет, Саудовская Аравия? Тут можно перечислить все остальные страны.

Второй вопрос такой. С одной стороны, Вы говорите о концепции позитивной: есть Россия, есть Запад, исторически сложились какие-то институты, какие-то отношения. А с другой стороны, Вы говорите, что являетесь категорическим

сторонником минимальной роли государства, что является каким-то формальным заявлением и, возможно, оно в принципе совершенно нереализуемо. Вы говорите, что государство должно то-то и то-то, а, может быть, это вообще не совместимо ни с какой реальностью – ни с исторической, ни с какой-либо другой. Реальность всегда заставляет далеко отходить от идеала.

- Спасибо. По первому вопросу. Да, есть другие формы отношений общества и государства. Это отношения между общественными организациями, представителями государства и власти и не относящимся к ним народом – в других культурах. Но в нашей стране на данный момент завершённым примером, который предлагается и который стоит на повестке дня, является европейский вариант, и к нему мы уже много лет пытаемся перейти.

У нас сейчас нет законченной, например, китайской модели. У нас не существует разнообразных политических сил, которые были бы представлены на политическом поле, которые не были бы маргиналами и при этом давали бы законченную концепцию развития России по китайскому пути. В то время как европейские проекты у нас есть, и мы их обсуждаем. Поэтому я анализирую, может ли у нас в стране реализоваться эта модель.

Я прихожу к выводу, что нет, не может. Что надо искать что-то иное.

Возможно, из каких-то тех культур. Но мне представляется перспективным вновь искать в нашей российской истории, в том же Новгороде, в вариантах существования староверов и т.д. Все это есть и все это можно анализировать. А я сравниваю с тем, что является сейчас наиболее актуальным при обсуждении.

По поводу второй части я, наверное, с Вами соглашусь. Да, я еще не могу обоснованно сказать и развернуть всю последовательность доказательств того, что в России будет приемлем вариант крайней концентрации на тех трех функциях, которые я перечислил. Это направление еще не разработано. Я просто говорю, что оно мне представляется интересным, я хочу заниматься и буду заниматься разработками на этом направлении. Я буду рад, если другие коллеги обратят внимание на это направление и попытаются посмотреть, возможно оно или нет.

Михаил Илле (президент СПАС, главный редактор журнала «Телескоп»):

У меня тоже два вопроса. Если Вы говорите, что в глазах народа власть должна быть священной, суверенной, передаваться только по наследству, то как объяснить то воодушевление, с которым русское общество приняло Февральскую революцию?

Вы говорите, что ментальность воспитывается с помощью сказок. Какой период требуется для того, чтобы изменилась ментальность народа? Например, до царствования Ивана Грозного была совершенно другая ментальность – Новгородская республика, которая потом была им подавлена. А, начиная с XIX-го века, в образованных кругах России возникают декабристы, революционеры. Как известно, эти образованные круги как раз и оказывают решающее влияние на поведение широких масс. В конце концов, элита оказывает влияние на поведение широких масс, как мне кажется.

- Вначале я говорил про новую историческую литературу. Там было довольно четко показано, как еще с XVIII-го века пошло расхождение между тем миром, в котором жила российская элита, и миром, в котором жил весь остальной народ. К моменту начала 20-го века это расхождение оказалось очень большим. Это была действительно серьезная проблема. Именно поэтому Февральскую революцию элиты восприняли. Как я понимаю, Государственные Думы были как раз тем местом, где играли элиты, но широкие массы народа не восприняли существование Государственных Дум. Это можно уточнить по различным фактам. Поэтому противоречия я тут не вижу.

Элиты сильно «ушли» на Запад и они ожидали этого, а народ за этим не «подтягивался». Получилось так, что элиты «ускакали», а потом пришел Ленин и увел всех опять на колею жесткого единовластия.

Второй вопрос - по поводу того, какое время необходимо для того, чтобы сменилась ментальность. Во-первых, как мне кажется, это, как минимум, период поколения, то есть период двадцати лет. Опять же я приводил пример того, что в российской истории не было периода, когда обваливалась высшая власть царя, князя, императора более чем на 20 лет, хотя, может быть, нужно и больше.

Что же касается Новгорода, то именно за счет того, что Новгород был фактически захвачен Иваном Грозным, дальше произошло подавление той ментальности. Та ментальность подавлялась и вытеснялась на протяжении веков. Она вылилась в какие-то другие формы и ментальности и поведения. Когда-то, может быть, она проявилась в поведении тех же староверов и т.д. Но там времени к нынешнему моменту хватило.

Петр Жидков (СПбГУ, исторический факультет): Вопрос такой. В СССР не было партийной демократии, но можно ли говорить о том, что в СССР была гражданская демократия? То есть, если, допустим, нельзя выбрать партию, то можно пожаловаться на чиновника в комитет партии.

Можно подойти с такой позиции: в СССР личность была под защитой государства. Например, сейчас, если у человека нет денег на еду, то он может умереть с голоду, а государство за это ответственности не несет. А в СССР было по-другому: государство не могло на это не реагировать. То есть личность каким-то образом влияла на государство.

- Спасибо за вопрос, Петр. Я считаю, что в советское время некие элементы демократии в некоторых элементах общества присутствовали. Но говорить о том, что была гражданская демократия совершенно невозможно. Механизмы, когда на исполкомовского чиновника можно было пожаловаться в райком партии, были одним из путей приспособления системы для того, чтобы не развалиться. Фактически это был вариант адаптации, но ни о какой демократии в этом случае все равно речь вести невозможно. Если бы жалобщик был негоден тому же комитету партии, то он от этого только пострадал бы еще больше. То есть, в данном случае подход был не демократический, а очень персонифицированный.

Михаил Горный (Центр «Стратегия»): В воскресенье закончился Конгресс политологов России. Там выступали лидеры различных партий - и не только тех, которые представлены в Думе. Один из них сказал: «Нас все ненавидят». Дальше было то, что прозвучало здесь: западные модели для России неприемлемы, западная модель в России никогда не осуществится, народ в России готов жить так, как он живет, и не прощает тем, кто его уводит от того, как он живет, и не приводит туда, куда обещает. Если он предлагает что-то позитивное, ему говорят: да что ты такое предлагаешь? Дальше он говорит: мы – евразийцы. Догадитесь с трех раз, кто этот лидер? Это Жириновский.

А как бы вы отнеслись к идее корпоративного государства? Тогда все репродуцируется снизу вверх через государственные корпорации, основанные на социально ответственном бизнесе и его социальном партнерстве с достаточно развитыми организациями гражданского общества. Там достаточно аргументировано и плотно обсуждалась эта модель.

- Меня очень удивляют предложения типа: давайте обсудим диалог между обществом, властью и бизнесом. Меня это удивляет потому, что на самом деле власть, если мы существуем в концепции общественного договора (так как мы не существуем в концепции божественного происхождения власти), то государство – это производное от общества, а бизнес – это часть общества. Поэтому я считаю, что эти корпоративистские

моменты будут частью общественных институтов. Я с этим согласен, но я не хотел бы отделять бизнес-компонент и бизнес-институты от общественных институтов, потому что они могут являться такими же элементами общественного управления, как и все остальные. Еще раз повторяю, что именно это направление, связанное с уменьшением функций, которые берет на себя государство, мне кажется очень важным и правильным для России.

Наталья Сидорова (журналист): Возможно ли сейчас, чтобы обманутые дольщики объединились в партию? Их вполне достаточно для объединения в партию. У них общие интересы, и они исполнены энтузиазма, что также немаловажно.

- Представьте ситуацию. Один человек высказывает свою позицию: я – атеист, я не верю в Бога, мы все умрем, и дальше ничего не будет. А другой человек спрашивает его: как вы считаете, может ли Господь спасти душу в определенной ситуации? То есть, я в принципе не верю в то, что партии в нашей стране могут быть таковыми, каковыми они являются на Западе. То, что у нас сейчас называют партиями, я не считаю партиями. Юридически – может быть. Они могут собраться в кучу, принять устав, зарегистрироваться и будут иметь название партии, но это не будет партия в том понимании. Также и все остальные.

Ольга Старовойтова: Тогда что в Вашем понимании «партия»? Как Вы это понимаете?

- Я думаю, что партия – это неким образом организованная группа, которая концентрирует в своей программе, в своих действиях интересы определенных социальных групп и признается этими социальными группами как свой представитель, способный и долженствующий защищать их интересы на уровне государства.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Андрей Заостровцев (Леонтьевский центр):

Я кратко пройду по «низовой демократии». На прошлой дискуссии я проходил по верховой, до низовой мы не дошли. С точки зрения экономиста это парадокс, когда человек голосует. В экономической теории он так и называется «парадокс избирателя». С точки зрения исходной аксиомы экономики рационального выбора, человек не должен голосовать.

Есть такой известный экономист политологического направления Дэнис Мюллер, который чисто математически подсчитал, что на выборах президента США для среднестатистического избирателя гораздо выше вероятность попасть под автомобиль или в авткатастрофу при походе в избирательный участок, чем повлиять на исход голосования. Таким образом, получается, что сам акт участия в выборах сродни акту самопожертвования.

Ожидаемые выгоды - поскольку голосует не один человек, а голосуют массы - настолько малы по отношению к его усилиям по сбору информации, походу на выборы и так далее, что даже если победит его партия, издержки не идут ни в какое сравнение, и человек не должен голосовать.

Есть разные концепции, объясняющие, почему все-таки человек голосует. Например, голосование сравнивают с игрой в казино, со ставками на скачках и тому подобным. Но сейчас речь не об этом.

Когда невозможно мобилизовать людей на какое-то общее дело, хотя выгоды есть, но каждый считает, что он может получить их задаром, то экономисты это называют «эффектом безбилетника». В связи с этим можно сказать, что российский человек – это безбилетник в квадрате или даже в большей степени - особенно на низовом уровне.

Возьмите статистический результат. Чем выше уровень выборов, тем выше, в среднем, процент участия. Чем ниже уровень выборов, тем ниже процент участия. Вы здесь приводили Псков и Новгород как прообраз колыбели российской демократии в Средние века. Совсем недавно в Пскове и Новгороде проходили референдумы. Вернее, они не состоялись, потому что народ не пришел, участие было меньше 10%.

О чем шла речь? Главу города можно выбрать прямым голосованием, демократическим путем. А можно путем утверждения избранным представительным органом, тогда это будет наемный сити-менеджер. Есть еще ряд условий, которые делают его фактически назначенцем региональной губернаторской бюрократии. Так вот, казалось бы – в колыбели демократии решается вопрос о том, как назначать главу городской исполнительной власти. И при этом менее 10% приняли участие в этом голосовании.

Эффект безбилетника действует даже на еще более низком уровне – на уровне ТСЖ (товариществ собственников жилья). Может быть, это нескромно, но я приведу собственный пример. Нас никак не могли собрать на собрание в новом доме – там сразу было создано ТСЖ. Когда я все-таки один раз дошел до этого собрания, то выдвинул председателю такую идею, что надо создать представительную демократию. Пусть каждая парадная подпишется, что выделяет одного представителя, чтобы другим не ходить – такой местный парламент. Идея прошла «на ура», чуть ли не единогласно, потому что все тяготились своим участием в этом собрании, даже те более активные люди, которые пришли (60-70% не пришли). И сейчас этот орган работает. С большими злоупотреблениями, чуть ли не фонтан хотели делать... Дом новый, ремонтировать пока нечего, а деньги лишние есть. Установили три флагштока, повесили флаги – Российской Федерации, города и изобрели флаг товарищества собственников жилья «Дачное», ограду хотят ставить и так далее. Понятно, что там есть «откаты», «отмывы». Но для меня это такие маленькие потери, что я гораздо больше потеряю, принимая участие во всем этом. За это время я десять статей в газету «Дело» напишу. А от их злоупотреблений я потеряю от силы рублей 50 в месяц. Каждый рассуждает так.

На Западе эффект безбилетника выражен гораздо слабее, в России он выражен сильнее.

Вот последний личный пример. Была создана в Петербурге Международная ассоциация исследователей экономики общественного сектора. Меня туда, на мою беду, поместил Леонтьевский центр в какой-то там президиум. Мы голосовали по разным вопросам: финансовым и прочим. Это было как НКО. Организация была международная и там присутствовали шведы. Как они нас мучили! «Это же ваши деньги, как вы можете! Надо во всем разобраться!» а у нас одна мечта – поскорее уйти домой с этого собрания, хотя мы платили такую же сумму, как и иностранные участники.

Какой из всего этого можно сделать вывод?

Ваш оптимизм по поводу низовой демократии преувеличен, поскольку, в соответствии с Вашей концепцией, если выбирать царя или даже просто «одобрямс!», то мы придем. Вспомните последние выборы президента, которые ничего не решали, и у администрации была одна забота – чтобы пришли. Пришли же все-таки! Ну, там, конечно, натянули процентов пять-семь, но остальные-то сами пришли, их никто насильно не тащил.

То есть я бы закончил на выводе, что низовая демократия в России очень маловероятна, по крайней мере, на современном уровне. Маловероятна самоорганизация людей, поскольку они не ощущают себя собственниками своей организации. Тут был один пример – с дольщиками. Это очень интересный пример, когда эффект безбилетника уже преодолевается. Как говорится, уже «достали» - человек всю жизнь поставил на квартиру, а у него все рухнуло, рушится практически вся жизнь из-за этого. Но это партия решения частной проблемы, она не станет политической партией. Проблема рассосется – партии не будет, хотя такие узкие, частные проблемы очень сильно влияют на каждого отдельного человека, и он готов действовать. На этом я закончу.

Ефим Смулянский:

Во-первых, я хотел бы отметить вопрос, не относящийся к теме нашего сегодняшнего заседания. Я несколько раз слышал выступления господина Шустова и читал много его статей. Меня поражает несоответствие того, что пишется в статьях господина Шустова, и того, что он говорит. Несовпадение совершенно разительное. Возникает впечатление, что это два совершенно разных человека. Один – выступает здесь и говорит о демократии вполне убежденным голосом, а другой пишет статьи в газете «Дело». Но дело не в этом.

Сам факт появления статьи очень важен, так как речь идет о демократии в России и о демократии вообще. Вы говорите о существовании сложностей в установлении в России демократии западного образца. Но мне кажется, что, например, японская ментальность еще более далека от западной демократии. Однако в Японии западная демократия существует уже более полувека и хорошо прижилась на совершенно чуждой европейской ментальности почве.

В чем заключается кризис демократии? Он заключается в том, что сейчас в таких странах, где всегда голосование считалось делом чести, доблести и геройства, как, например, Дания, Швеция, Финляндия, все меньше и меньше людей ходят на выборы. Это статистика. С чем это связано? Например, с тем, что Даниил Коцюбинский говорит: сейчас уже таких понятий, как демократия, либерализм просто не существует. Все это осталось в прошлом веке. А когда начинаешь спрашивать: «Даня, а что вместо этого, какие новые понятия? Ну, скажи!». Он не может ответить на этот вопрос. К сожалению.

Дискуссия по вопросам демократии в газете «Дело» показала, что в головах огромного количества людей, профессионально занимающихся политологией, существует полный сумбур. Люди считают, что демократия – это совсем не то, чем она является на самом деле, и предъявляют ей такие требования, которые ей абсолютно не присущи. Я не прочел в них главного, что демократия – это всего лишь один из многих способов принятия решений. И больше ничего. Все остальное – партии, свобода печати и прочее – это вещи, никакого отношения к демократии не имеющие. Все это второ-, а, может быть, даже и третьестепенные вещи - например, партии. Не нужно требовать от демократии того, без чего она совершенно спокойно может обойтись.

В Санкт-Петербурге существует небольшая, но довольно сильная группа, которую возглавляет [Сергей] Егоров и которая разработала критерий качества и количества демократии. Этот критерий очень простой. Демократия качественно и количественно тем выше, чем больше людей в государстве (тех, кого мы называем электоратом) имеет своих представителей, именно своих представителей в представительном органе власти. Свои представители – это те представители, о каждом из которых кто-то мог бы сказать: «Да, это мой человек. Пусть не я его выбирал, но я согласен с теми пятьюдесятью... пятнадцатью тысячами, которые его выдвинули. Он представляет мои интересы». Чем большее количество людей, электората, имеет в стране таких представителей, тем выше качество демократии и тем больше ее количество в этой стране.

Мне кажется, что кризис современной демократии, не только в нашей стране, но и за рубежом, заключается в том, что те избирательные законы, которые десятилетиями и столетиями нарабатывались как в западной демократии, так и у нас в стране (там – столетиями, у нас – десятилетиями), принципиально не верны. Они себя изжили. Нужно создавать новую систему, новую избирательную философию, которая позволяла бы любому человеку, вместе с каким-то количеством других людей из разных городов, из разных республик, из разных местностей выдвигать своих представителей в представительные органы, как более низкого, так и более высокого уровня. Если такая система будет разработана и будет внедрена, то тогда можно будет говорить о том, что демократия на самом деле реализовалась, что реализовались все те возможности, которые

потенциально были заложены две с половиной тысячи лет тому назад, когда демократия еще только создавалась – в Древнем Риме.

В принципе, мы много работаем над этой системой и можно сказать, что основные черты этой системы мы разработали. Если присутствующим здесь это интересно, то я готов предложить обсудить этот вопрос новой избирательной философии на одном из ваших семинаров. Это штука довольно сложная, но тем не менее она подлежит внедрению и может быть использована. Возможно, сначала на каких-то местных выборах, а потом – и выше. Я думаю, что если этот процесс сделать неотвратимым и поступательным, то можно прийти к каким-то разумным выводам. Спасибо.

Петр Жидков: Получается, что чем больше представителей от народа, тем демократичнее общество?

Смулянский: Нет, не так. Чем больше людей, обладающих правом голосовать, имеют своих представителей в представительном органе власти, тем выше качество демократии.

Андрей Столяров:

У меня такое ощущение, что мы вообще говорим не по теме доклада. О чем было выступление? С моей точки зрения, оно затрагивает очень важный механизм согласования глобального мира и национальных архетипов. Как это происходит? Этот механизм до сих пор не разработан, но докладчик показал, что существует один из национальных архетипов, а именно – несклонность к политическим партиям. Неважно, как это сформулировано, но такой архетип существует, он зафиксирован в сказках, в литературе, он постоянно воспроизводится. Поэтому западная демократия у нас работает плохо. Это абсолютно правильно.

Я мог бы назвать еще один архетип – архетип неприятия любого закона, который также зафиксирован в российском сознании. Вся классическая русская литература отрицает законы. Это надо иметь в виду. В русской литературе никогда не было литературы юридического типа, которая развита на Западе. У нас никогда не было Диккенса, у которого чрезвычайно подробно описываются судебные процессы, объясняется, что такое собственность, как идут суды, что такое адвокат и тому подобное. Все это с детства внедряется в сознание. У нас никогда не было литературы детектива, которую глотают подростки. Любой подросток, прочитав 10 детективов, понимает, на что он имеет право, что может делать полиция, а чего она не может делать, что может делать богач, а чего он не может делать. Вся эта механика входит в сознание независимо от школы. Литературы такого типа у нас всего 1% - о Катюше Масловой, где присяжные проголосовали неправильно.

И этот архетип непрерывно воспроизводится, несмотря ни на какие либеральные призывы, литература изучается в школе, она непрерывно транслируется в кинематографе. То есть тип незаконного существования воспроизводится непрерывно. И этот архетип мы хотим согласовать с западным правовым обществом. Нам нужно сделать что-нибудь одно: либо убрать классическую русскую литературу вообще, либо все-таки отказаться от правового государства западного типа и строить что-то другое.

Андрей Вейхер:

В тексте, который был разослан предварительно и который мы прочитали, преподнесенная модель, с одной стороны, очень проста, но, с другой стороны, это ее дефект. Если это рассматривать как провокацию, с тем чтобы дальше рассматривать ее, постепенно усложняя, то это естественная точка начала отсчета. А ее исходная примитивность заключается в том, что ставится под сомнение пригодность того, чтобы можно было избирать одного из нескольких кандидатов. Хотя бы по той простой причине,

что при тех пропорциях в голосованиях, которые имеются в других странах, получается, что если там почти 50х50, то сие означает, что значительная часть - не меньшинство (!) - вынуждена считать, что ими будет руководить человек, против которого они голосовали. – Что же это такое? Нас так много, а руководит нами человек, который против нас! - Сколько бы потом политик не клялся, что он не генсек американцев, а президент всех россиян – это уже формула поражения. Но сама модель эта предполагает – я бы сделал на этом акцент – определенные взаимоотношения. Эти взаимоотношения, конечно же, как правильно было сказано, там привыкли строить при конкурентной борьбе двух уровней.

Другое дело, что мне не представляются убедительными исторические параллели. Почему именно отношения двух уровней феодалов сформировали привычку к конкуренции? Мне представляется более существенным другой аргумент. Подобного рода модель может восприниматься как терпимая до критических ситуаций, до революционных моментов, когда возникает плохо осознаваемая, но готовность поддержать какое-нибудь изменение, отражающаяся в знаменитом истерическом вопле: «Ну, сделайте же что-нибудь!». Вот тогда происходят революции – «не понимаем, что делаем, но надо это «валить»».

А с точки зрения самой модели сегодняшней «Коммерсант» («Демократия и элиты»), по-моему, прекрасно рассматривает способы договоренности внутри элит, которые нашли способ самовывживания без того, чтобы выигрывала только одна сторона. Авторы приводят оценки численности элит: 10000 – в Соединенных Штатах, 5000 – во Франции и Англии, 2000 – в Скандинавии – это результат договоренности элит. А убедить уже потом население, что нужно жить так – дело техники, дело одного-двух поколений.

Получается, что мы сталкиваемся с двухслойным образованием. С одной стороны, говорится, что демократия – низовая, и по отношению к верховной власти она не может иметь императивного значения, нет оснований в истории. Но, с другой стороны, предполагается, что эта власть принимается, то есть она легитимна в смысле индивидуального восприятия. Я не вижу пока разрешения этого противоречия, мне очень приятно думать, что можно искать его где-то снизу вверх или сверху вниз.

Вариант элит предполагает, что если демократия опирается на некоторое непротивление массы, то это механизм, который навязывает элита, которой так удобнее жить. Есть и другие учения, включая учение о том, что демократия в Европе – это демократия массы вооруженных людей. С падением рыцарства появились основы этой демократии – демократии оружия. В рамках такой теории говорится, что так или иначе элиты были вынуждены приспособиться к способу действия достаточно многочисленных масс, которые могли попросту поубивать. Поубивать, например, своих офицеров, если им не нравится этот офицер, их начальство. Вплоть до раздачи оружия по домам.

Исторических аналогий можно найти очень много. Исторические аналогии могут нас завести в куда более сложные конструкции, чем те, которые мы способны осознать и построить конструктивно – слишком фрагментарно у нас восприятие каждой элиты.

С этой точки зрения сегодняшней доклад я воспринимаю как провокацию. Провокацию к дальнейшему обсуждению. Мне хочется так думать. Не уверен, что это получится. Я был бы рад, если бы мы собрались еще несколько раз.

Здесь прозвучало такое предложение по поводу немножко известной мне арифметической конструкции. Я даже читал ее и считаю интересной. Спорной, правда. Однако было бы хорошо если бы хотя бы некоторым из нас удалось договориться. Если удастся договориться, то надо пытаться строить некоторые модели развития.

И последнее. Очень большим препятствием для подобного рассуждения будет использование той терминологии, в которой мы сегодня говорим. Истинная демократия – неистинная демократия, низовая демократия – верховая демократия. Настолько сложно оторваться от того представления, которое за многие годы сформировалось у каждого из нас в качестве реакции на это слово.

Может быть, следующие выступающие будут искать какую-то другую терминологическую базу, которая будет легче восприниматься только потому, что она другая. Какие-то аналоги будут, но термины очень нагруженные, полисемантические – их очень много, они, по-моему, будут крайне затруднять более конструктивное построение более сложной модели. Я не говорю – реализуемой немедленно на практике, а просто более сложной модели, исходя из простого начала.

Шустов:

Хотел бы ответить на предыдущие четыре выступления. Сначала к Андрею Павловичу [Заостровцеву]. По поводу того, что с эгоистической точки зрения, точки зрения рационального эгоизма, человек не должен голосовать. Честно говоря, я в очередной раз убеждаюсь в том, что экономистам необходимо больше привлекать психологов для осуществления своего анализа. Потому что, если бы экономисты, перед тем, как сделать этот вывод, учли бы такую функцию как психотерапевтическая функция, то стало бы ясно, почему люди ходят голосовать. Более того, стало бы ясно, почему они больше ходят голосовать за президента, чем за муниципалов. Человек думает и ощущает, что, сходя на выборы, он сделал что-то, что полагается делать, и тем самым он принял участие в управлении государством, а, следовательно, он исполнил свою какую-то роль, и ему после этого становится легче. Это правило действует на очень многих избирателей. Он пришел, проголосовал, и ему - как он считает - это дает моральное право дальше чего-то требовать от власти. Как только мы поймем, что в формировании этого электорального поведения участвует не только прямой расчет «а смогу ли я повлиять на принятое решение?», а еще и этот фактор, то мы поймем, почему люди ходят голосовать. Понятно, что, если я пришел проголосовать за президента, который «решает все», то это важнее, чем какие-то муниципалы.

Можно сделать вывод относительно того, что у нас будет с низовой демократией, то есть может или не может она реализоваться. Здесь встает вопрос цены, о котором мы говорили. Бывают случаи, когда люди понимают, что от принимаемого властями решения зависит для них слишком много. Например, обманутые дольщики очень много денег потратили на квартиру, которую не могут получить. В этом случае они «включаются».

В этом, согласитесь, как раз смысл того, чтобы решения принимали не государственные органы, а сами люди. То есть, когда вы можете решить, что туда вы не пойдете голосовать, потому что там 50 рублей, а туда вы пойдете даже голодать, потому что там 50 тысяч долларов умирают в этом «недострое». Тогда вы сами решаете, что для вас важно, а что не важно.

Дальше скажу по поводу расхождения между тем, что я пишу, и тем, что я говорю. Оно действительно есть. Принципиально я убежден в тех вещах, которые вы здесь слышали, но, когда я перехожу к анализу текущей политической ситуации, то я исхожу из принципа наименьшего зла. Я считаю, что Владимир Владимирович Путин и те люди, которые сейчас вместе с ним, в ситуации, когда общество не имеет осмысленной и принятой большинством концепции «куда идти дальше?», то они, поддерживая это состояние стабильности, в общем-то, делают лучшее из возможного. Поэтому я поддерживаю эту политику, пока не будет разработано что-то другое, что я смогу поддержать и сказать: «Да, это правильно, я готов в этом участвовать». Они консервируют ситуацию. Да, там очень много негатива. Но сейчас любое иное из представленных на политическом поле будет еще хуже. Поэтому есть такое расхождение в тактике и в стратегии.

Смулянский: Почему бы Вам не написать, что делать это Вам противно?

Шустов: А мне не противно. Это сродни эстетическому удовольствию, которое я испытываю от того, что человек на своем месте. Я считаю, что Владимир Владимирович

Путин в сегодняшней ситуации в нашей стране на своем месте. Я не вижу других политических фигур, которые бы так качественно исполняли бы ту функцию, которую сейчас надо исполнять. Мне не противно защищать его, исполняющего эти функции.

Что касается того, что нужна новая избирательная философия, то я действительно это поддерживаю. По поводу Японии я просто не буду ничего говорить, потому что там есть, скорее всего, какие-то свои особенности.

Дальше – ответ господину Столярову. С чем я действительно хотел бы согласиться, так это с тем, что существует стереотип неприятия законов, и это еще один аргумент в пользу того, чтобы мы рассматривали те ситуации, при которых принятие решений будет спускаться на более низкий уровень, и когда обычай будет доминировать в управлении поведением людей в большей мере, чем закон. Потому что, действительно, есть некое предубеждение к законам, а вот обычай – и я думаю, присутствующие со мной согласятся – на поведение людей в России влияет гораздо больше.

Последнее – это то, о чем Андрей Алексеевич [Вейхер] говорил, что я в принципе ставлю под сомнение возможность и склонность наших сограждан выбирать из нескольких альтернатив. Действительно, перед началом мы с вами говорили, что может быть разница между высшим и низшим уровнями. Я вброшу еще одну провокационную мысль. Мне кажется, что в перспективе в XXI веке на смену принципа голосования, на смену принципа принятия решения на основе мнения большинства, может и должен прийти принцип принятия решения консенсусом, как бы фантастически это сейчас ни выглядело. Когда люди стоят, грубо говоря, перед необходимостью построить дорогу, и все понимают, что это нужно. Но одни считают, что ее надо вести так, а другие – иначе. У них нет силовых способов воздействия друг на друга, которые появились бы, если бы у одной из сторон была возможность захватить государственную власть. В этом случае рано или поздно, будучи поставлены перед необходимостью построить дорогу, они договорятся. Мне кажется, что в этом перспектива. Спасибо за внимание.

Сергей Воробьев: Не соглашусь с коллегой, что это провокация. Буквально в самый последний момент я понял, что это не провокация. Честно говоря, альтернатив, как оценить это выступление, у меня возникло три. Первая – это политологический анализ, вторая – это некая публицистика, третья – это некое пропагандистское выступление. В конечном счете, я понял, что это пропаганда неких идей.

Это не политологический анализ, поскольку он вызвал у меня сильные сомнения с точки зрения истории и с точки зрения психологической обоснованности тех выводов, которые были сделаны.

Я не случайно сказал об анекдотах. Здесь был разговор о церкви, вспоминалась Февральская революция. Можно вспомнить историю бунтов и вообще революционного движения в нашей стране. На тот вопрос, с которым Алексей вышел ко всем нам, а вышел он не с утверждением, вышел он с вопросом: «Возможны ли иные формы реализации демократии в нашей стране?», иначе говоря, «возможны ли иные формы государственного управления или государственного устройства?», ответ – да, конечно, они возможны. Какие формы? Здесь надо искать разные варианты. Я позволю себе в двух словах рассказать длинный анекдот. Папа с сыном стоят у окна и папа говорит:

- Сынок, взгляни, какой замечательный пейзаж, какое чудесное время года! Кстати, какое сейчас время года? Сын отвечает:

- Лето, папа.

- Какое же лето? Все в снегу, люди в шубах, шапках.

- Лето, папа.

- Дети на лыжах, на коньках катаются, какое же это лето?

- Лето, папа.

- Да какое это лето?

- Вот такое хреновое лето, папа.

Вы знаете, у многих политологов, публицистов, да и у рядовых граждан, глядя на нашу политическую жизнь, возникают вопросы: «Ну разве это партии? Ну что это за политики? Что же это вообще такое?». Да вот такие хреновые партии, вот такие хреновые политики. Вопрос состоит в том, как относиться к пейзажу за окном, а не только как его оценивать. Если сыну он не нравится, то для папы он великолепен. И если посмотреть на наши партии, то, по сравнению с западными демократиями, с западными моделями партий, некоторые функции, которые на Западе партии реализуют, наши партии тоже реализуют вполне успешно. Например, лоббирование определенных интересов. Разве наши партии с этим не справляются? Справляются. С чем-то другим они не справляются – еще не научились, но говорить, что они у нас совсем плохие и никуда не годятся нельзя.

Надо учитывать еще и такую вещь, которая, может быть, является специфической особенностью политики в нашей стране. Во всяком случае, на Западе такого нет, или, по крайней мере, мне не известно. У нас помимо политических партий существует еще понятие «политический проект». Это совсем особое явление. Поэтому, когда у нас идет конкуренция политических партий – это одно, а когда идет конкуренция политических проектов – это совершенно другое. Это совершенно другая политика и все традиционные западные подходы тут совершенно не годятся.

Следующий момент, о котором я хотел бы сказать. Что мы имеем в виду под понятиями «демократия» и «демократическое общество», когда мы говорим о демократии и возможностях ее реализации в нашей стране? Существуют несколько базовых вещей, которые в разных странах реализуются по-разному. Прежде всего, это выборность органов государственной власти и, может быть, местного самоуправления. Это их периодическая и регулярная сменяемость и возобновляемость. Это публичность их политической деятельности и принятия решений и, в связи с этим, возникающая определенная степень ответственности перед жителями. И, наконец, определенные гарантии тех прав и свобод, которые мы называем демократическими – свобода слова, свобода шествий и так далее. Если говорить о нашей стране, то я могу привести высказывание господина Володина из «Единой России» о том, что у нас демократии больше, чем в Америке. В чем-то, наверное, - да, больше, в чем-то – меньше. Вопрос состоит в том, как мы понимаем демократию – как суверенную, как техническую или как еще какую-то.

Это вписывается в концепцию известного политолога Миграняна, который не так давно сказал, что говорить об уменьшении демократии неправомерно, потому что у нас сохраняется выборность президента, у нас проходят выборы в парламент по партийным спискам. Может быть, этого вполне достаточно для Миграняна, а может быть и вообще достаточно. Такова концепция. Это иные формы реализации демократии, о которых был разговор. А можно как в анекдоте: давайте перейдем к назначению депутатов, составлению Общественной палаты.

Можно ввести много терминов: например, техническая демократия, диагональ власти и то, под каким углом она должна идти. Это будет весело, но к действительности не будет иметь никакого отношения. Просто власть занимается одним: принятием решений по поводу ресурсов, распределением благ и всего прочего. То, как она это делает, это и есть основы государственной политики, а то, как все в этом участвуют – это и есть главный вопрос.

Если мы говорим о выборах, то выборы – это элемент демократического устройства. Но когда мы о них говорим, мы должны пойти дальше: не только есть они или нет, но и то, как они проходят. Честные они или нечестные и то, в какой степени у нас избиратель выбирает, руководствуясь своей выгодой, рациональным путем, программами, которые партии декларируют, или это выборы манипулируемые – на лозунгах, на рукопожатиях, на имидже. Оценки будут субъективны. Все это есть во всех странах, не только у нас, на Западе - тоже, но в каких пропорциях?

Третий нюанс – это то, что есть у нас в гораздо большей степени, чем в других странах, это вариант покупного голосования, когда избиратель говорит: я хочу от этой

партии получить выгоду и пользу немедленно: деньги, продуктовый набор и прочее. Это тоже элемент нашей демократии.

Бывает так. У ребенка никак не включается телевизор, он на кнопки жмет, жмет, ничего не получается. Он говорит: «Плохой телевизор. Мама, давай купим что-нибудь другое». А оказывается, в розетку воткнуть забыли. Поэтому надо посмотреть, как у нас демократия реализуется. Алексей совершенно правильно сказал: кто будет субъектом, инициатором и проводником того, чтобы эти основы постепенно входили в нашу жизнь.

Если вы посмотрите вчерашнее выступление Владимира Владимировича Путина, то узнаете, что он сказал: надо развивать демократию. Он не сказал «суверенную», он просто сказал, что надо заниматься развитием демократии и политических партий. А политические партии у нас сейчас в таком состоянии, что не понятно, хотят ли они развивать демократию, или они просто хотят переизбраться. Или у них вот такой баланс интересов...

Государственные власти каким-то образом сформировались под лозунгом наведения порядка, и в определенной степени этот порядок был наведен, но дальше пошли издержки... Нужна им эта демократия, будут они заниматься ее развитием? Наверное, не будут, по крайней мере, так, как хотелось бы некоторым людям. Поэтому что будем делать? Либо эту игрушку будем чинить, либо придумывать какую-то новую.

Александр Слуцкий: У меня есть ощущение, что я буду говорить о том же самом, только используя более конкретную терминологию. Мне кажется, что надо разделять две вещи: политическую демократию и демократию, демократизм в очень широком смысле этого слова. Политическая демократия сводится просто к борьбе партий за власть. Все остальное – принимаю ли я решения, созываю ли я коллегия, приглашаю ли к распределению прав тех, с кем я имею дело – это совсем другое. То, о чем говорил Алексей, - политическая демократия. Могут ли существовать партии, которые борются за электорат и которые потом на некоторое время приобретают власть?

Все остальное – это некоторая другая демократия, демократичность, она обсуждается в другом смысле. Если это конкуренция, борьба за власть на определенное время определенных людей, групп или партий, то мы видим, что в демократических странах эта конкуренция имеет место, но это никогда не является «совершенной конкуренцией». То есть, иначе говоря, участников этой конкуренции везде очень мало. Только в небольшом числе стран электоральный барьер опущен очень низко, что дает возможность представляться большому числу партий.

Тут я должен сделать замечание к тому, что Вы [Е.Смулянский] говорили. Как раз и оказывается, что там, где электоральный барьер очень низкий, что - по Вашему мнению - означает более высокое качество демократии, потому что арифметически большее количество людей имеет свои представительства в органах власти. Так вот, оказывается, что в этом случае решения, государственная власть в целом, демократия - как правило, неэффективны.

То есть, иначе говоря, конкурентов мало. Их мало везде: в Соединенных Штатах, как правило, два, в Великобритании - два с половиной и так далее. Вы говорите, что у нас нет конкуренции, у нас монополия. Во-первых, у нас нет монополии. Да, у нас была партия власти, но ее конструкция все время менялась. Пусть это была монополия, но это не была все время «Единая Россия»: то «Наш дом – Россия», то еще что-то, одним словом, самой партии власти все время приходилось что-то менять, хотя бы свою внутреннюю структуру, чтобы завоевать электорат. Завоевали. Но Вы говорите о том, что у нас есть монополия, и эта монополия почему-то не может перерасти в конкуренцию.

Если мы говорим о каком-то рынке, то на рынке тоже существует монополия, но ряд факторов либо может превратить ее в конкуренцию в какой-то обозримый период, либо не может. Возьмем обогрев жилья. До 1917 года никакой монополии на рынке обогрева жилья в принципе не существовало, поскольку не было единой системы

отопления – каждый отапливал свое жилище сам. Потом пришла советская власть и устроила локальные естественные монополии в виде единой энергосети, и к чему это привело, мы знаем. Такие системы были когда-то и на Западе, но от них давно, благодаря рыночным отношениям, отказались. У нас они соседствуют. В деревне, естественно, нет монополии на обогрев жилья. Это феномен большого города. Но и здесь, в Петербурге, несмотря на все трудности, он будет разрушен.

Поэтому, когда Вы говорите, что здесь нет каких-то имманентных сил, которые не дают никакого противопоставления монополии, то непонятно, что это за силы. Вы говорите, что это психология, сформированная в России столетиями. Да, есть такие силы, но есть и противоположные, которые размывали эту тенденцию.

Шустов: Какие?

Слуцкий: Не хотел бы углубляться, но Вы сами говорили... Те же Думы, которые возникли до революции, тот же Тайный совет при царе... Даже в советское время была имитация некоего парламента, неких выборов, которые зачем-то надо было имитировать власти, которая на все это чихала.

И сегодня мы имеем желания отдельного человека. Например, совершенно понятная сила – бизнес, который борется за конкуренцию и за монополию одновременно. Он как раз стремится к этой конкуренции, ему-то как раз монополия единой партии совершенно не нужна. По крайней мере, у разных видов бизнеса есть свои цели: у крупного – одна, у среднего и мелкого – другие цели. Другое дело, смогут ли партии защитить их интересы. Да, сегодня существуют монополии, но можно найти много стран, которые в рамках этого монополизма гораздо дальше нас в истории, где он будет разрушен гораздо позже. Поэтому их всех надо поставить на какой-то эскалатор, а не ставить всех на две ступеньки: на одной – Восток, на другой – Запад и Россия. Между ними и за ними существует бесконечное разнообразие этих монополий, которые могут, к примеру, определяться религиозным сознанием, допустим, исламским. Все это факторы, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Последнее замечание касается идеального государства, которое бы вошло в некие минимальные границы вмешательства. Дело в том, что тенденции-то совершенно противоположны. И не только в России и совсем даже не в России в большей степени. Возьмите Швецию, возьмите Соединенные Штаты, возьмите всю Западную Европу и вы увидите, что тенденция вмешательства государства в перераспределение растет, а не уменьшается, и повернуть ее вспять пока никому не удастся. Поэтому это не проблема России, это проблема всего мира. Это, с моей точки зрения, безусловно, проблема, но это совсем другая тема для обсуждения. Спасибо.

Дмитрий Травин:

У меня три комментария. Комментарий первый – по вопросу, который сегодня вообще не обсуждался – по исходным данным о европейском феодализме. Алексей, все-таки когда ты говоришь, что если человек где-нибудь в средневековой Франции принимал систему, то из этого делаешь вывод, что ментально он имел эту альтернативу. Здесь я вижу подмену тезисов. Да, он принимал систему, но откуда ты знаешь, что у него в этот момент было в голове, как он представлял эту систему? Ты его наделил своим представлением об этой системе и потом сказал, что он принимал эту систему. Поэтому я все же придерживаюсь мнения, что здесь пока фактов нет, и то, что было сформулировано в докладе как гипотеза, как гипотеза меня привлекает, это интересно, это тема для обсуждения. Я поэтому и статью на эту тему опубликовал и сегодня обсуждаю это.

Но нужно сделать две вещи. Первая. Нужно понять, могут ли в принципе быть какие-то исторические доступные нам факты, которые можно привлечь для анализа. Вторая. Если такие факты есть, то надо постараться их найти и проанализировать. То, что

я читал из медиевистики, прежде всего - из отечественных авторов (школа Арона Гуревича), то это, прежде всего, привлечение каких-то произведений искусства. Я пока не видел другого способа для того, чтобы отразить ментальность. Какие-то литературные произведения, фрески. Есть у историков опыт анализа ментальности по этим вещам. Другого я пока не знаю.

Шустов: Обычай...

Травин: Обычай тоже должны быть в чем-то отражены. Должны быть какие-то источники, которые показывают: был такой обычай, люди так себя вели. Скорее всего, это должен быть какой-то литературный источник, но обычай может быть зафиксирован каким-то другим способом, не знаю - может быть... Это первое.

Второй комментарий. Он уже написан, но будет опубликован в полемике с этой статьей позже. Как мне кажется, ты очень изменил принципиальное положение своей статьи, выступая сейчас. Есть очень существенная разница. Это меняет и суть комментария.

В статье [*Еженедельник «Дело», 23.10.06//www.idelo.ru – ред.*] говорилось, что в России существует некий детерминизм. В России, которая не прошла через феодальную систему, в принципе невозможна партийная демократия. А сейчас было сказано, что это возможно. Сменятся поколения, пройдут те 40-50 лет, когда нужно ходить по пустыне, и все это может измениться. По второму мне вообще спорить не с чем. Я сам всегда так считал: нет никаких жестких детерминант, существует культурное влияние, мы можем принять партийную систему, существующую в европейских странах, точно так же, как ее принимали любые другие страны. Есть масса стран, которые проходили феодализм совсем не так, как, скажем, Франция (о чем написано во всех учебниках). Это практически вся Скандинавия, это практически вся Южная Европа, это наши страны Балтии. И партийные системы там прекрасно прижились - с определенным переходным периодом, с определенным сроком, необходимым для адаптации.

С этой поправкой можно, конечно, принять предлагаемый тезис, но тогда, собственно, и пафос постановки проблемы в значительной степени исчезает. Если мы признаем, что нет такой жесткой детерминированности феодальной эпохой, то тогда наш спор становится интересным только историкам. Мы можем поспорить о том, что там было в те годы, а сейчас, значит, общество проходит через определенную эволюцию.

Третий комментарий. По поводу того, возможны ли низовые формы непартийной демократии. Я не очень понял постановку вопроса. Что нам, собственно, надо обсудить? Да, допустим, партийная демократия в западных формах у нас утвердится через какое-то время с переходным периодом. Но мы не должны ждать, надо формировать какие-то низовые возможные формы демократии. Хотелось бы, чтобы это осуществлялось. Вопрос в том, возможно ли это? Это же не от нас зависит. Если речь идет о том, что мы должны придумать что-то такое, чего нигде не было, и внедрить, то это очень сложно, думаю, что мы ничего не придумаем. Если на уровне регионов, на уровне муниципалитетов, на уровне ТСЖ эти формы могут приживаться вне партийной демократии в федеральных масштабах, то очень хорошо, если это будет. Но не приживаются... Может быть, что-то мешает.

Здесь напрашивается такой вопрос. Справедливый был комментарий у Алексея относительно того, что человек, идущий на выборы и голосующий, к примеру, за президента, не оценивает это в чисто рациональных терминах (какую выгоду я получу, когда пойду голосовать?). Здесь есть некоторое терапевтическое свойство, еще какие-то моменты. Так вот, чтобы мы голосовали, скажем, на муниципальном уровне, реализуя эту психотерапевтическую потребность.... Как мы будем голосовать на муниципальном уровне, если на федеральном уровне демократия практически отрицается, подменяется симулякрами типа «суверенной демократии». Чтобы я пошел голосовать, я должен быть

уверен в том, что гражданское общество эффективно, что от моего голоса что-то зависит, и, даже если не учитывать рациональные моменты, я должен испытывать чувство, что если я пришел на выборы и проголосовал, то я хороший человек, я хороший гражданин. Я поступаю так, как поступают люди в уважаемых мною обществах. Но если у меня нет такого ощущения при выборе президента страны или выборе партии, если там я ориентируюсь на патерналистские, традиционалистские схемы, то с какой стати я по-другому буду ориентироваться на выборах в низшие уровни?

Только если я буду просчитывать какую-то рациональную выгоду, то тогда начинает сказываться все то, о чем говорил Заостровцев. А какая тут рациональная выгода? Если я правильно понял выступление Вейхера, то ближе всего к истине то, что говорил Андрей Алексеевич, ссылаясь на роль элит.

Когда мы берем происхождение демократии на Западе, а все-таки обычно историки все это производят из городских коммунальных революций, а не из того, о чем Алексей говорил. Я сейчас не говорю, что правильно, а что неправильно. Но даже если мы посмотрим на коммунальные революции в средневековых городах, скажем, Северной Италии, откуда все пошло, то на первый взгляд кажется, что это низовая демократия. Но это не низовая демократия. Элитные группировки где-нибудь во Флоренции борются за власть над городом, и у каждой династии, у каждой семьи есть своя клиентела, которая за ней идет. Народ пассивен, но он каким-то образом вовлекается элитой в эту борьбу, которая иногда заканчивается выборами, иногда поножовщиной. Во Флоренции было то так, то так. А в Венеции было вообще по-другому. Там была олигархическая система, где сто с чем-то фамилий полностью все определяли, и настолько все было схвачено, что даже до поножовщины, как во Флоренции, не доходило.

Все равно получается, что на передний план выходит элита, поэтому, если у нас элиты каким-то образом придут к выводу, что, к примеру, на уровне муниципалитета можно решать вопрос не так, как он решается сегодня, то есть, когда сверху присылают мэра или губернатора... Если элиты начнут решать вопрос демократическим путем, значит, на уровне муниципалитета будет демократия. Я пока не вижу ни одного аргумента в пользу того, что на этом уровне этот вопрос должен решиться раньше, чем на уровне Федерации, потому что все упирается в одни и те же проблемы, о которых говорил Заостровцев и о которых говорил Шустов.

Александр Мелихов:

Совершенно ясно, что голосовать по рациональным мотивам не следует, и люди это делают по психологическим мотивам, отчасти – по психотерапевтическим, но, мне кажется, ничуть не меньше – по идеалистическим. Им хочется чувствовать себя причастными к решению каких-то великих вопросов, то есть обаяние власти основано на ее могуществе и долговечности. И если возникнет какая-то партия, которую люди будут ощущать могущественной и долговечной хотя бы столь же могущественной и долговечной, как команда «Зенит»... Мы видим, как люди нескольких поколений болеют за одну и ту же команду, бьют друг другу морды, абсолютно ничего с этого не имея, кроме неприятностей.

Травин: А удовольствие?..

Мелихов: Но они идентифицировались с чем-то могущественным и долговечным. Так вот, чтобы возникла партия, она должна уже с самого начала обладать обаянием, быть могущественной и долговечной. Но, чтобы привлечь людей, нужно уже обладать этими качествами. Поэтому, партии могут не вырасти на пустом месте, с нуля, а могут реинтерпретироваться как продолжение чего-то уже давно существовавшего.

И вот уже какая-то партия нащупывает какие-то сказки, уже давно, десятилетиями или веками существовавшие в нашем обществе. Монархические сказки о том, что царь –

это самый благородный и ответственный человек, тираноборческие, столь же влиятельные, имеющие века за собой, о том, что убить царя – это очень красиво. То есть каждая опирается на какую-то древнюю грезу.

Травин, я думаю, прав в том, что родоначальниками партии будут становиться люди элитарные, то есть представители элит – те, которые надеются это движение возглавить и на нем заработать. Родоначальниками будут становиться по рациональным мотивам, но примыкать к ним будет масса уже по мотивам иррациональным, то есть по тем самым мотивам, по которым люди болеют за «Зенит», за «Спартак» – чтобы чувствовать себя частью какого-то долговечного великого целого.

Ефим Смулянский: Ваше [*обращаясь к Д.Травину – ред.*] противопоставление двойственности человека, который голосует за высшие и низшие эшелоны власти с совершенно разными ощущениями справедливо только в том случае, если есть некоторая рефлексия, если человек сам осознает, что что-то там не так, а здесь так. Но этого люди не сознают. Большинство людей никогда не осознают рационально, почему они голосуют за федеральную власть более организованно. Это не осознается каждым конкретным избирателем.

Травин: Я вроде бы об этом не говорил...

Смулянский: Ну как же... Вы говорили, что когда человек голосует за верхние эшелоны власти, он ощущает противоречивость. Получается, что он должен осознавать это внутри себя, рефлексировать. А он этого не делает... почти никогда... Это внутренние какие-то ощущения.

Травин: Я, видимо, не рефлексировал, когда говорил, потому что я что-то такого не помню...

Смулянский: Прошу прощения, коллега [*обращаясь к А.Слуцкому – ред.*]... Я когда слушал Вас, то удивился. Электоральный барьер ни в коем случае не является мерилем того, больше или меньше людей имеет представителей в органах власти. Под словом «свой представитель» подразумевается: хотели бы лично вы иметь такого человека в нашем Законодательном собрании, Верховном Совете, Госдуме и так далее. Если такой человек находится, то тогда он ваш представитель, и это не зависит от электорального барьера.

Заключительное слово докладчика

Постараюсь быстро ответить на выступления. Господин Воробьев, Вы предложили один из трех вариантов того, что есть эта статья: политологический анализ, публицистика или пропаганда. Не буду спорить с тем, что изнутри у меня исходило постоянное желание заняться пропагандой. Может быть, это происходило исходя из моей постоянной прежней деятельности, может быть, еще по каким-то причинам...

Прежде всего, хотелось обратить внимание на то, что следует все же отвлечься от проторенных путей и искать какие-то иные варианты. Я постоянно сталкиваюсь с тем, что вокруг говорят: «да брось ты, ничего не может быть другого, кроме пути, который уже вся Европа прошла, только он возможен». Я с этим не согласен. И против этого выступаю.

А что касается анекдота о том, что у нас такие партии, то получается что партии у нас – это не партии, потому что зима – это не лето. А по поводу лоббирования, то это совершенно не те функции. Да, они часть функций выполняют, но не все функции. Опять же мы с Вами разошлись в определении партий, потому что, если Вы помните, я, отвечая

на вопрос Ольги Васильевны [Старовойтовой- ред.], давал определение. Тогда я не смог с ней поспорить, а потом, в ходе Вашего выступления, у меня пришел ответ по поводу дольщиков. Она сказала: «Тогда дольщики – это партия». Напоминаю про партию автолюбителей. Сколько они процентов набрали? Это и говорит о том, что, хотя они формально и были выразителями их интересов, но те самые широкие массы автолюбителей их в качестве выразителей своих интересов не приняли. Потому что если бы они их приняли, то они бы за них проголосовали.

Так же я могу предполагать, что эти самые дольщики, хотя они организуются в партию и формально будут партией и даже выйдут на выборы, но я могу по аналогии предположить, что все равно голосовать будут не за них, а значит они критериям партии, которые формулирую я, удовлетворять не будут.

Далее по поводу того, о чем говорил господин Слуцкий - относительно того, что конкурентов везде, в том числе и в других странах, мало. Действительно, разница как раз и состоит в том, что их там мало, но они там есть, а у нас, как я считаю, нет вообще. Опять же - что значит то, что у нас не было монополий? Та передача власти, которая, как мне кажется, была в варианте позднейшей российской истории с «Нашим Домом Россией», бывшим до этого ДВР, а после этого «Единством», - представляет собой форму передачи власти по наследству. Там не было борьбы между партиями, не было борьбы между «Нашим домом» и «Единством», они просто плавно перетекли друг в друга. Поэтому, как мне кажется, только эта передача по наследству и существует.

Относительно того, может ли монополия перерасти в конкуренцию? В принципе может. И здесь я забегу немного вперед и отвечу на то, о чем говорил господин Травин, который заметил, что в статье я будто бы признал, что у нас невозможна модернизация сознания и изменение менталитета, а сейчас я вроде бы говорю, что возможна. Так вот, я все равно остаюсь при своем мнении, что, хотя теоретически она возможна, я не считаю практически возможным то, что у нас в стране в течение 40 лет вдруг исчезнет все, что у нас есть. Для этого должно принципиальным образом измениться политическое информационное поле, а признаков и объективных предпосылок для того, чтобы оно изменилось, нет. И я делаю прогноз о том, что этого не будет. Поэтому, теоретически соглашаясь с тем, что такое изменение у нас возможно, практически я очень низко оцениваю вероятность этого и говорю, что, скорее всего, это не получится.

Еще одно замечание по поводу того, что вмешательство государства растет, а не уменьшается. Вы привели в пример две страны – Швецию и Соединенные Штаты. Насколько я помню, сейчас, на последних выборах, в Швеции пошел откат вправо. В Штатах – да, согласен, нарастание патерналистских тенденций существует. Но, опять же, как бы это ни происходило, все равно это не повод отказаться от желания сделать то, что ты считаешь правильным. Я думаю, что это направление – верное и поэтому я считаю правильным заниматься его пропагандой.

Перехожу к некоторым замечаниям по поводу того, что говорил Дмитрий Яковлевич [Травин]. Относительно фактов, на основании которых делается вывод о том, как средневековый человек думал... Сразу при ответе на вопрос я забыл об исследованиях по произведениям искусства. Но в статье я приводил пример из сказок. Я не говорю, что мой анализ очень точен, хотелось бы привлечь филологов, которые хорошо знают сказочную литературу Запада. Но я приводил пример, что там случаев, когда король плохой, гораздо больше, чем в русских сказках, как мне кажется. Вместе с тем принц, который фактически является альтернативой королю и часто с ним вступает в прямое военное противостояние, как правило, в западных сказках является положительным героем, положительно оценивается. И это, соответственно, реализация отношения населения. Поэтому, я думаю, что здесь все-таки есть шансы это проанализировать, но надо, наверное, поглубже туда забраться.

Еще один момент - относительно того, что есть страны, в отличие от таких как Франция, которые проходили весь путь перехода к демократии по-другому. У меня давно

есть желание услышать и увидеть результаты каких-то специальных исследований, в которых в принципе будут сравниваться феномены больших и малых стран. Мне представляется, что существует очень много фактов, касающихся того, что одни и те же политические процессы по-разному идут в тех странах, которые можно назвать большими. Это классические примеры – США, Франция, Великобритания, а дальше я приостановлюсь, потому что сегодня это Германия, но Германия в Средние века – это совсем небольшая страна, а периодами ее даже не было. И, в принципе, Россия после Ивана Грозного – тоже уже была большой страной.

С другой стороны - малые страны. Финляндию или Норвегию я бы точно отнес к малым странам, а Швецию – нет, потому что у нее в истории были периоды, когда она была весьма могущественной. То есть там были разные периоды, феномены которых было бы интересно посмотреть и изучить так же и на примерах стран Балтии.

Мне кажется, что те законы, которые могут прилагаться к большим странам, в малых странах не действуют. Но этого я в соответствующей литературе или на каких-то встречах и семинарах пока не видел. Относительно того, почему вариант голосования на высшем уровне у людей может сохраняться по патерналистскому варианту, а на низовом уровне они могут голосовать вполне демократично. Об этом я тоже писал – о том, что, как мне кажется, на более раннем этапе социализации формируется унитарное отношение к высшей государственной власти. А отношение к более локальной власти конкурентное, оно формируется позже, на этапе знакомства с конкретными политическими институтами. И этим, опять же психологически, в людях воспитывается возможность и готовность голосовать таким образом.

Последнее замечание – комментарий по поводу того, что говорил господин Мелихов. Вы говорите, что могущество и долговечность – это основа для строительства партий. Я абсолютно согласен, но именно так и получается в нашей культуре, что в сфере высшей политики таким ресурсом обладает только тот, кого мы считаем царем. Других источников и ресурсов пока не появилось. Как мне кажется - именно в силу инертности восприятия.

На этом я завершаю. Спасибо за глубокий и всесторонний разбор этих вопросов. И еще раз повторю, что мне бы хотелось, чтобы подобное обсуждение - обсуждение альтернативных по сравнению с классическими вариантами развития демократии - осуществлялось и было как можно более смелым.

Спасибо.